



ВОЙНА КАК БЛЮДО

ПОШАГОВЫЙ РЕЦЕПТ

КОЛТОН УЗББ

18+

Колтон Уэбб

**Война как блюдо:
пошаговый рецепт**

«Автор»

2026

Уэбб К.

Война как блюдо: пошаговый рецепт / К. Уэбб — «Автор», 2026

Государство не может просто приказать людям ненавидеть. Сначала оно создает врага, навешивает ярлык «секта» или «нацист», разрушает эмпатию, освящает убийство и превращает смерть в подвиг. «Война как блюдо» разбирает этот рецепт шаг за шагом.

© Уэбб К., 2026

© Автор, 2026

Колтон Уэбб

Война как блюдо: пошаговый рецепт

В книге сочетаются документальные фрагменты и художественная реконструкция. Там, где точные слова и действия участников неизвестны, сцены и диалоги воссозданы автором. Некоторые персонажи являются собирательными образами, отдельные детали изменены.

Пролог

Человечество всегда гордилось своей изобретательностью в вопросах уничтожения себе подобных. Если выстроить в один ряд все инструменты, созданные нами для лишения жизни, получится впечатляющая выставка инженерного гения. Сначала были камни и заостренные палки — грубые, требующие физической силы и близкого контакта. Затем появились копья и стрелы, позволившие убивать на расстоянии. Потом катапульты и требушеты начали метать смерть через крепостные стены. Порох изменил правила игры, сделав смерть громкой и массовой. Ружья сменились пулеметами, конные отряды — танковыми клиньями, аэростаты — стратегическими бомбардировщиками. Сегодня в небе бесшумно барражируют дроны, способные доставить заряд взрывчатки с математической точностью прямо в цель.

Технологии менялись каждое столетие. Дальность поражения росла, скорость доставки смерти увеличивалась, а себестоимость одного убитого неуклонно снижалась. Но во всей этой безупречной эволюции машин неизменным оставался только один, самый уязвимый и нестабильный элемент. Человек.

Вопреки общественному мнению, война не начинается с первого выстрела. В тот момент, когда бронетехника пересекает государственную границу, а в небе воют сирены воздушной тревоги — блюдо подается на стол, а значит повар хорошо постарался. На самом деле подготовка к войне ведется задолго до того, как прольется первая кровь.

Прямо сейчас я сижу в обычном городском кафе. Одно из тех приятных, ничем не примечательных мест с панорамными окнами, запахом свежемолотой арабики и тихим гулом голосов. За соседним столиком сидит студентка в объемном свитере, она быстро печатает что-то в ноутбуке, периодически отпивая латте. Чуть дальше — пара средних лет, они тихо обсуждают планы на выходные, выбирая между поездкой за город и походом в торговый центр. У барной стойки ждет свой заказ мужчина в строгом пальто и беспроводных наушниках, он ритмично постукивает пальцем по столешнице. За окном спешат по своим делам прохожие, шуршат шинами автомобиля. Мирное, спокойное утро.

Запомните эту картину. Сохраните ее в памяти во всех деталях: запах выпечки, смех студентки, ритм пальцев мужчины у стойки. Мы будем возвращаться к этому кафе. Потому что война начинается именно здесь. За этими чистыми столиками, в этих белых наушниках, в этих светлых головах. Она начинается задолго до того, как кто-то из этих людей заметит первые признаки гари в воздухе.

Я не историк, чтобы копаться в пыльных архивах ради поиска правых и виноватых. Я не моралист, чтобы заламывать руки и оплакивать падение человеческой природы. Я — технолог, который слишком хорошо знает процесс изнутри.

Всю жизнь я работал там, где не бывает свидетелей — только исполнители. Меня нанимали не для того, чтобы я решал, воевать или нет. Это решали другие, наверху, в кабинетах, куда меня даже не приглашали. Меня нанимали, чтобы довести решение до готовности. Чтобы то, что наверху называют «неизбежностью», внизу выглядело как стихийное, органическое, само собой разумеющееся возмущение толпы. Это ремесло. И, как всякое ремесло, оно имеет свою технологию, свою выдержку, свои проверенные временем пропорции.

Возраст снимает с человека последнюю нужду во лжи — не потому, что приходит мудрость, а потому, что кончается страх последствий. Меня не накажут сильнее, чем уже наказала собственная память. Поэтому я расскажу рецепт. Не ради покаяния — кухня не кается перед едоками. А потому что рецепт, спрятанный в чужих головах, работает вечно, а рецепт, произнесённый вслух, начинает портиться. Люди перестают его глотать не глядя.

Блюдо, о котором пойдёт речь, подают уже тысячи лет, и вкус его почти не меняется — меняется только сервировка. Называется оно по-разному в зависимости от эпохи и кухни: «священная война», «превентивная мера», «миротворческая операция», «восстановление исторической справедливости». Но рецепт неизменен.

Война — это блюдо. И, как любое сложное блюдо, ее невозможно приготовить мгновенно. Нельзя просто взять сырое мясо, бросить его на стол и сказать: «Это готовое блюдо». Чтобы оно стало едой, нужна подготовка: правильные инструменты, выверенный температурный режим и строгая последовательность действий.

В этой метафорической системе координат государство-агрессор и его идеологи — это «Повара». Они носят разные имена в разные эпохи, надевают разные мундиры и говорят на разных языках, но их функция неизменна: они управляют процессом приготовления.

Их цель — довести общество до нужной кондиции. Каждый человек — лишь один из ингредиентов. Вы, я, студентка с ноутбуком, мужчина в наушниках — все мы должны пройти необходимую обработку, чтобы стать частью «готового блюда».

Пропаганда — это не просто ложь из телевизора. Это «нагрев», «маринад» и «специи». Информационная изоляция — это плотно закрученная «крышка» котла, превращающая его в «термос», где давление будет расти без потерь энергии. Репрессии против меньшинств — это предварительная «шинковка», нарезка неподатливого монолита на удобные, легко усваиваемые куски. А религиозная риторика — в тех случаях, когда политическая власть сознательно использует её для оправдания насилия, — может становиться «божественной специей», придающей политическому решению ореол священного долга.

Процесс всегда идет по одному и тому же рецепту. Сначала Повар изолирует котел от сквозняков. Затем начинает медленно повышать температуру. Затем добавляет первые порции маринада — образы врага, чувство ущемленной гордости, фантомные исторические боли. Затем начинается шинковка: из котла извлекают тех, кто не вписывается в рецептуру, наглядно демонстрируя остальным, что бывает с «неправильными» ингредиентами. Когда масса становится однородной и податливой, в ход идут тяжелые специи дегуманизации. Враг перестает быть человеком, превращаясь в насекомое, вирус, нациста, абстрактную нелюдь. А затем блюдо освящают, снимая последние психологические барьеры.

Я буду перемещаться сквозь время и пространство. Я буду стоять в кабинете Йозефа Геббельса в 1933 году, когда он ставил задачу инженерам. Я буду стоять в редакции Юлиуса Штрейхера, вдыхая запах свежей типографской краски. Я буду наблюдать за средневековым костром инквизиции и за современным залом районного суда. Я буду невидимым зрителем на церковных соборах и в телевизионных студиях. Я буду фиксировать каждый этап, каждую добавленную щепотку соли, каждый градус повышения температуры.

Моя цель предельно прагматична. Я разберу этот механизм не для того, чтобы ужаснуть вас. Я делаю это потому, что рецепт работает только до тех пор, пока ингредиенты не осознают, что они находятся в кастрюле. Иллюзия собственного выбора — это главный секрет Повара. Если каждый читатель этой книги научится распознавать технологические этапы приготовления, если он увидит, как закручивается крышка термоса и как работает нож для шинковки, — процесс потеряет свою магию.

Добро пожаловать на кухню.

Глава 1. Социальный термос

Любая кухня начинается с посуды.

Вы можете собрать лучшие ингредиенты на свете. Вы можете раздобыть идеальное мясо, свежайшие овощи, самые изысканные специи. Вы можете развести под очагом жаркое, ровное пламя. Но если вы попытаетесь сварить суп на тарелке — вы потерпите фиаско. Вода выкипит, мясо подгорит, а то, что останется, будет непригодно к употреблению. Для того чтобы блюдо получилось, вам нужна емкость. Желательно — с толстыми стенками. И обязательно — с плотно прилегающей крышкой.

Потому что кулинария, как и война, — это прежде всего физика. Это управление давлением и температурой.

Открытая кастрюля неэффективна. Тепло уходит в окружающую среду, вода испаряется, давление не нагнетается. Ингредиенты внутри открытой кастрюли сохраняют свою структуру слишком долго. Они остаются собой: жесткими, отдельными кусками мяса, картофеля, моркови. Чтобы они размякли, отдали свои соки и превратились в однородную, послушную половнику массу, нужно закрыть крышку. Нужно создать внутри замкнутую экосистему, где температура будет расти, а давление — сплющивать и разрушать изначальные формы.

В этой книге я буду называть такой информационно замкнутый контур «социальным термосом».

Задача Повара на первом этапе подготовки к войне — не убедить общество в своей правоте. Это слишком сложно, долго и чревато интеллектуальным сопротивлением. Задача Повара — изолировать общество от любых альтернативных источников информации. Замкнуть информационное пространство на самого себя. Создать такую среду, в которой реальность, навязанная Поваром, станет не просто доминирующей — она станет *единственно возможной*.

Если вы находитесь в комнате без окон, и единственный источник света — это красный фонарь, вы очень скоро начнете верить, что весь мир окрашен в красные тона. Не потому, что вы глупы или доверчивы. А потому, что ваш мозг, лишенный других точек отсчета, адаптируется к той реальности, которая доступна его рецепторам. Социальный термос делает именно это: он отсекает общество от внешних ориентиров. Он заменяет сложный, многогранный мир с его бесконечным количеством мнений, фактов и интерпретаций на простую, линейную и легко управляемую картину.

Внутри термоса нет «другой стороны». Есть только «наша правда» и «их ложь». Внутри термоса нет дискуссии — есть только трансляция. И чем плотнее закручена крышка, тем быстрее растет давление, и тем быстрее общество-бульон доходит до нужной кондиции.

Процесс герметизации не происходит мгновенно. Это кропотливая, методичная работа, требующая не столько грубой силы, сколько технологической точности. И чтобы понять, как именно закручивается эта крышка, нам нужно переместиться во времени.

Берлин, 1933: Инженерия монополии

Я стою в просторном кабинете Имперского министерства народного просвещения и пропаганды. На календаре — август 1933 года. За окнами — еще по-летнему теплый Берлин, где люди пьют пиво в биргартенах и обсуждают последние новости. Но здесь, в этом кабинете с высокими потолками и тяжелой дубовой мебелью, творится нечто гораздо более важное, чем уличные разговоры. Здесь конструируется будущее.

За длинным столом сидят мужчины в строгих костюмах. Это элита немецкой радиотехнической промышленности — директора и главные инженеры компаний Telefunken, Lorenz, Blaupunkt. Люди, создававшие лучшие в мире радиоприемники. Они напряжены. Они не привыкли к политическим совещаниям, они привыкли к чертежам, осциллографам и финансовым отчетам.

Во главе стола сидит человек небольшого роста, с острыми, почти птичьими чертами лица и холодным, цепким взглядом. Йозеф Геббельс. Министр пропаганды Третьего рейха.

Он не кричит. Не стучит кулаком по столу. Не произносит пламенных речей о величии арийской расы или коварстве мирового еврейства. Он говорит тихо, сухо, технично. Как главный инженер на производственном совещании. Как технолог, ставящий задачу подрядчикам.

— Господа, — его голос звучит ровно, без эмоций. — Наша задача предельно ясна. Нам нужен радиоприемник. Не предмет роскоши. Не сложный прибор для радиолюбителей. Нам нужен аппарат, который будет стоять в каждом немецком доме. В каждой квартире. В каждой крестьянской избе.

Инженеры молчат. Они слушают.

— Этот аппарат должен быть максимально дешевым, — продолжает Геббельс. — Его цена не должна превышать семидесяти шести рейхсмарок. Это примерно недельный заработок квалифицированного рабочего. Он должен быть простым в производстве, чтобы мы могли выпускать его миллионными тиражами. И он должен быть простым в обращении.

Один из инженеров, пожилой мужчина с седыми усами, откашливается:

— Господин министр, за такую цену мы сможем обеспечить прием только местных, германских станций. Для приема зарубежных передач, скажем, из Лондона или Парижа, потребуется более сложная схема и дорогие комплектующие...

Геббельс смотрит на него. В этом взгляде нет гнева, только холодная удовлетворенность.

— Именно так, герр инженер. Нам *не нужно*, чтобы немецкий народ слушал Лондон или Париж. Нам нужно, чтобы немецкий народ слушал Берлин. И только Берлин.

Это не политический лозунг. Это техническое задание на проектирование социального термоса.

Продукт, который они создадут, войдет в историю под названием *Volksempfänger* — «Народный приемник». В народе его будут называть «Глоткой Геббельса». VE301 — цифры в названии означали дату прихода Гитлера к власти (30 января). Это был шедевр минимализма. Бакелитовый корпус, в котором умещалась простая схема на трех лампах.

Этот аппарат станет идеальным инструментом доставки единого нарратива. Государство будет субсидировать его производство. Банки выдавать кредиты на его покупку. Рабочие комитеты организовывать коллективные прослушивания на заводах. С 1933 года, когда линейка «народных приёмников» только запустится, к производству подключатся свыше двадцати восьми производителей, которые выпустят более 12 миллионов экземпляров. К 1939 году около 70% немецких домохозяйств будут иметь радиоприемник — самый высокий показатель в мире на тот момент.

Геббельс понимал то, что многие политики до сих пор игнорируют: контент не имеет значения, если у вас есть монополия на канал его доставки. Вы можете производить самую изощренную, самую талантливую пропаганду, но если слушатель может повернуть ручку настройки и услышать альтернативное мнение — ваша работа пойдет насмарку. Критическое мышление — это сравнительный анализ. Уберите возможность сравнения, и критическое мышление атрофируется за ненужностью.

На этом совещании Геббельс повторил базовый закон пропаганды, который успешно используется пропагандистами по сегодняшний день. Этот закон гласит: «Чем абсурднее и нелогичнее утверждение, тем легче оно принимается массами, если повторяется достаточно часто».

Это подается не как циничное признание лжеца. Это подается как технологический закон природы. Как закон Ома или таблица умножения. Человеческий мозг устроен так, что частота повторения информации в конечном итоге перевешивает ее достоверность. Тысяча раз сказанная ложь становится правдой не потому, что она логична, а потому, что она становится *привычной*. Она прокладывает в мозгу нейронные связи, которые со временем превращаются в широкие магистрали, по которым мысль скользит без малейшего сопротивления.

Инженеры одобрительно кивают. Они записывают параметры в блокноты. Они получают государственный заказ и уходят, чтобы создать идеальную крышку для котла.

Я смотрю им вслед. Я вижу не злодеев из голливудского фильма. Я вижу профессионалов, выполняющих свою работу. Они создают трубу, по которой в немецкие дома польется отборный маринад.

Редакция *Der Stürmer*: Атака на амигдалу

Мы переносимся в Нюрнберг. Город старинных фахверковых домов, узких улочек и готических соборов. Но нас интересует не архитектура. Нас интересует небольшое здание редакции на одной из боковых улиц.

В помещении шумно. Стучат пишущие машинки, кто-то кричит в телефонную трубку, на столах громоздятся стопки бумаги, гранки, эскизы.

Это редакция газеты *Der Stürmer* («Штурмовик»).

Если Геббельс — это холодный, расчетливый инженер-технолог, то издатель этой газеты, Юлиус Штрейхер, — это повар-примитивист. Он не интересуется тонкими настройками. Он не пытается убедить интеллектуалов. Он работает грубо, размашисто, кроваво.

Я стою за спиной художника, который склонился над листом ватмана. Он рисует карикатуру. Огромный, уродливый паук с человеческим лицом — крючковатый нос, толстые губы, хищный оскал — оплетает своей паутиной земной шар. Подпись гласит: «Мировое еврейство высасывает кровь из Германии».

Штрейхер, плотный мужчина с красным лицом и громким, лающим голосом, ходит между столами. Он лично проверяет каждую полосу.

— Больше грязи! — кричит он редактору. — Заголовки должны бить по глазам! Читатель должен чувствовать тошноту, когда смотрит на эти лица!

Der Stürmer не был газетой в классическом понимании этого слова. Он не информировал. Он даже не пропагандировал, если под пропагандой понимать попытку логического обоснования своей позиции. *Der Stürmer* *мариновал*.

Его страницы были заполнены абсурдными, кричащими заголовками, гротескными карикатурами, историями о ритуальных убийствах, сексуальных извращениях и финансовых махинациях, якобы совершаемых евреями. Язык газеты был нарочито грубым, вульгарным, изобилующим словами-ярлыками, вызывающими отвращение: «паразиты», «крысы», «кровопийцы», «чума».

Штрейхер интуитивно понимал то, что десятилетия спустя докажут нейробиологи. Рациональные аргументы, сложные логические построения, статистика — все это апеллирует к неокортексу, коре головного мозга. Это медленная, энергозатратная система, которая склонна к сомнениям и анализу.

Но у человека есть и другая система — древняя, отвечающая за эмоциональную память. Это амигдала, миндалевидное тело. Она реагирует на угрозу, на страх, на отвращение. Она не анализирует — она включает рефлекс «бей или беги».

Штрейхер нацелил свою газету прямо в амигдалу немецкого обывателя, минуя критическое мышление. Он использовал тот самый механизм эмоциональной памяти. Когда информация подкрепляется яркими эмоциями — страхом, гневом, брезгливостью, — она закрепляется в сознании намного глубже, чем сухие факты.

Также он использовал бесконечное повторение. Из номера в номер, из года в год, одни и те же образы, одни и те же слова. Еврей-паук. Еврей-крыса. Еврей-насильник.

На пике своей популярности *Der Stürmer* выходил тиражом около 500 тысяч экземпляров. Но настоящее влияние газеты определялось не только количеством проданных экземпляров. По инициативе Штрейхера на улицах немецких городов появились специальные застекленные витрины — *Stürmerkästen*. В них регулярно вывешивали свежий номер газеты, превращая каждого прохожего в потенциального читателя.

Люди останавливались у этих витрин по пути на работу, во время прогулок. Их читали даже те, кто никогда бы не купил эту газету. Карикатуры бросались в глаза, заголовки впечатывались в память. От этого маринада было невозможно скрыться. Он пропитывал воздух, он становился фоном повседневной жизни.

Они презирали друг друга. Геббельс, интеллектуал с докторской степенью, считал Штрейхера вульгарным плебеем, чья грубость компрометирует режим. Штрейхер считал Геббельса чистоплюем, оторванным от народа.

Но на кухне нужны оба. Инженер строит термос. Примитивист готовит маринад. Их функции дополняют друг друга, создавая идеальную среду для обработки ингредиентов.

Закон о радиопреступлениях: Захлопывание крышки

Термос был почти готов. «Народные приемники» стояли в каждой квартире. *Der Stürmer* смотрел с каждой уличной витрины. Но оставалась одна проблема.

Несмотря на все усилия, некоторые граждане продолжали искать альтернативные источники информации. Они покупали более дорогие приемники. Они мастерили антенны. Они по ночам, приглушив звук, пытались сквозь треск глушилок поймать передачи Би-би-си или советское Радио Москва. Они пытались приоткрыть крышку котла, чтобы впустить немного свежего воздуха.

Повар не мог этого допустить. Давление должно было быть абсолютным.

Я переносусь в 1939 год. 1 сентября. День, когда немецкие войска пересекли границу Польши. День, когда блюдо было подано.

В тот же самый день, когда заговорили пушки, государство нанесло финальный удар по информационному пространству. Был принят *Verordnung über außerordentliche Rundfunkmaßnahmen* — «Указ о чрезвычайных мерах в области радиовещания».

Этот документ, написанный сухим юридическим языком, криминализировал сам факт получения информации из несанкционированных источников. Прослушивание зарубежных радиостанций было объявлено *Rundfunkverbrechen* — «радиопреступлением».

За сам факт прослушивания полагался крупный штраф или тюремное заключение. За распространение услышанной информации — отправка в концентрационный лагерь или смертная казнь.

Крышка котла захлопнулась с металлическим лязгом.

Государство сказало своему народу: «Вы не имеете права знать ничего, кроме того, что мы вам говорим. Ваш слух принадлежит нам. Ваше восприятие реальности принадлежит нам».

Это был не просто акт цензуры. Это был акт изъятия реальности. С этого момента немецкий обыватель оказался полностью заперт внутри социального термоса. Он больше не мог сверить официальные сводки с мнением другой стороны. Он не мог узнать о потерях на фронте, о бомбардировках немецких городов, о преступлениях, совершаемых от его имени.

Он был оставлен один на один с голосом из бакелитовой коробки. И этот голос стал для него единственной правдой. Термос был запечатан. Давление начало расти в геометрической прогрессии.

Современная Россия: Аналоговый сигнал и цифровые пакеты

Я покидаю Берлин 1939 года. Я возвращаюсь в современность. В мир смартфонов, оптоволоконного интернета, социальных сетей и искусственного интеллекта.

Казалось бы, в эпоху глобальной сети, когда информация передается со скоростью света, а доступ к любой библиотеке мира находится в кармане каждого человека, концепция «социального термоса» должна была устареть. Как можно изолировать общество, когда оно опутано миллионами невидимых нитей, связывающих его с остальным миром?

Оказывается, можно. Технология изменилась. Принципы остались прежними.

Я смотрю на архитектуру современного российского информационного пространства, и вижу чертежи, знакомые мне по кабинету Геббельса. Разница лишь в том, что вместо бакелита

и радиоламп теперь используются серверы, алгоритмы маршрутизации и системы глубокого анализа трафика (DPI).

Давайте проведем прямую параллель. Сравним две схемы, как инженер сравнивает два поколения одного устройства.

Инфраструктура монополии:

Фашистская Германия: *Volksempfänger* — дешевое радио в каждый дом. Технологическое ограничение, не позволяющее принимать чужой сигнал.

Современная Россия: Государственные телеканалы, входящие в обязательный, бесплатный «базовый пакет» у любого оператора связи. Они в каждом телевизоре, в каждой гостиной. Это современный аналог «Народного приемника» — легко доступный, безальтернативный источник формирования повестки для десятков миллионов людей.

Механизмы блокировки:

Фашистская Германия: Ограничение полосы частот радиоприема.

Современная Россия: Технические средства противодействия угрозам (ТСПУ), установленные на сетях всех операторов связи. Закон о «суверенном интернете». Роскомнадзор получает полномочия управлять сетями интернет-провайдеров по запросу Генеральной прокуратуры. Это позволяет централизованно блокировать нежелательные ресурсы. Блокировка Instagram, Facebook, Twitter, сотен независимых медиа. Замедление, а затем и угроза полного отключения YouTube. Создание так называемого «Чебунета» — изолированного сегмента сети, контролируемого государством.

Юридическая герметизация:

Фашистская Германия: *Rundfunkverbrechen* — «радиопреступление». Тюрма за прослушивание «вражеских голосов».

Современная Россия: Статьи Уголовного кодекса о «дискредитации армии» (ст. 280.3) и «распространении заведомо ложной информации» (ст. 207.3). Законодательная база, криминализирующая любое публичное высказывание, противоречащее официальным сводкам Министерства обороны.

Архитектура термоса воссоздана с поразительной точностью. Государство вновь берет под контроль трубу, по которой поступает информация. Оно отсекает внешние источники, объявляя их враждебными, лживыми, экстремистскими. Оно создает замкнутую экосистему, где единственным критерием истины становится штамп государственного ведомства.

И так же, как в 1939 году, это делается не для защиты граждан от «вредоносной информации». Это делается для того, чтобы граждане потеряли возможность сравнивать. Чтобы красная лампа стала единственным источником света в комнате.

Эволюция маринада: Функциональный наследник

Труба построена. Роскомнадзор, как современный коллективный Геббельс, обеспечил монополию на канал доставки. Теперь в эту трубу нужно закачать маринад.

Дальше речь пойдет не о конкретном человеке, хотя у него есть имя, лицо и многочасовые эфиры на федеральном канале. Я говорю о технологической роли. О функции, которую этот человек выполняет в системе.

Владимир Соловьев — это идеальный повар-примитивист цифровой эпохи.

Если мы посмотрим на его методы не с точки зрения журналистики (к которой они не имеют отношения), а с точки зрения социальной инженерии, мы увидим доведенную до совершенства технологию *Der Stürmer*.

Та же механика. Это не холодная инженерия, не попытка логически обосновать геополитические интересы государства. Это горячий, эмоциональный, почти истеричный поток образов, направленный прямо в амигдалу.

Der Stürmer выходил раз в неделю. «Вечер с Владимиром Соловьевым» и его утренние радиоэфирные выходы выходят каждый день, занимая часы прайм-тайма. Тираж в 500 000 экземпляров заменен охватом в десятки миллионов просмотров и прослушиваний. Уличные витрины *Stürmerkästen* заменены плазменной панелью телевизора в каждой гостинице, экраном смартфона в каждом вагоне метро, радиоточкой в каждом автомобиле.

Частота повторений увеличена на порядки. Амигдала зрителя атакуется с пулеметной скоростью.

Посмотрите, как он работает с аудиторией. Он не использует сложную аналитику. Он использует ярлыки. Он кричит, он брызгает слюной, он переходит на визг. Он театрально заламывает руки. Он источает гнев, презрение, ненависть.

Он формирует словарь терминов, которые должны вызывать немедленный рефлекс отвращения. «Нацисты», «наркоманы», «сатанисты», «выродки», «мрази». Эти слова повторяются сотни, тысячи раз, пока не теряют свой первоначальный смысл и не превращаются просто в звуковой сигнал, запускающий в мозгу зрителя команду: «Враг. Уничтожить».

Это та же самая карикатура с евреем-пауком, только переведенная в аудиовизуальный формат и транслируемая в режиме 24/7.

Соловьев выполняет функцию маринатора. Его задача — размягчить психику аудитории, лишить ее способности к эмпатии и критическому анализу, заменить сложные причинно-следственные связи простыми, черно-белыми эмоциями. Он должен поддерживать в котле постоянный уровень агрессии и страха.

И он справляется с этой задачей блестяще. Потому что инструмент эволюционировал, но физиология человека, его реакции на страх и ненависть, остались неизменными.

Инструмент стал мощнее. Функция осталась прежней.

Первый результат

Разница между 1933 и 2026 годами лишь в технологии носителя. Тогда — аналоговый радиосигнал, типографская краска на дешевой бумаге, уличные витрины. Сейчас — цифровые пакеты данных, пиксели на экранах, алгоритмы рекомендаций, блокировки по IP-адресам.

Но принцип термоса абсолютно идентичен.

Крышка закручивается теми же руками — руками государства, стремящегося к тотальному контролю. Она закручивается теми же методами — через монополизацию каналов связи и криминализацию альтернативных источников. Она закручивается с той же целью — лишить общество возможности сравнивать, сомневаться, анализировать.

История не повторяется буквально. Она переиздается в новом форм-факторе, с обновленным интерфейсом, но с тем же самым базовым кодом.

Таким образом, Повара достигают первого, но критически важного результата. Общество начинает верить в реальность, которую для них придумали. Оно начинает дышать воздухом, который закачали в термос. Оно начинает говорить словами, которые звучат из репродукторов.

Этот процесс невидим. Вы не чувствуете, как нейронные связи в вашем мозгу перестраиваются под воздействием ежедневного эмоционального пресса. Вы не замечаете, как ваше поле зрения сужается до размеров экрана телевизора. Вы просто в какой-то момент понимаете, что мир вокруг стал враждебным, опасным, и единственное спасение — это сплотиться вокруг Повара.

Процесс запущен. Ингредиенты помещены в емкость.

Я снова сижу в том самом кафе, о котором говорил в начале. За окном все так же спешат прохожие, шуршат шины. Девушка пьет латте, мужчина у стойки постукивает пальцами в такт неслышной музыке.

Но теперь я смотрю на них иначе. Теперь и вы понимаете, что происходит на самом деле. У некоторых из этих людей, сидящих за соседними столиками, в ушах уже звучит «Глотка Геббельса» — просто оцифрованная, упакованная в стильный корпус смартфона и переименованная в приложение государственного телеканала.

Их личный термос уже закрыт. Соловьев снова вышел в эфир, его голос льется из динамиков, проникая прямо в подкорку.

Нагрев начался. Вода еще не кипит, но на дне уже появляются первые мелкие пузырьки. Блюдо поставлено на огонь. И теперь Повару предстоит следующий шаг — приготовить само мясо.

Глава 2. Социальная шинковка

Любой рецепт, требующий длительной температурной обработки, сталкивается с проблемой сопротивления материала. Крупный, монолитный кусок мяса, брошенный в кипяток, сварится только снаружи. Внутри он останется сырым, жестким и неподатливым. Он сохранит свою структуру, свои волокна, свою первоначальную плотность. Чтобы бульон получился наваристым, а мясо таяло во рту, повар не может полагаться только на температуру. Ему нужен нож. Острый, безжалостный нож, который разрушит цельность исходного продукта.

В социальной инженерии этот процесс называется разрушением горизонтальных связей.

Общество — это не просто толпа индивидов. Это сложная сеть взаимоотношений, доверия, солидарности, общих интересов и взаимной поддержки. Это монолит, который способен сопротивляться давлению государства просто в силу своей сцепленности. Соседи защищают своих соседей, коллеги вступаются за коллег, друзья поддерживают друзей. Пока эти связи существуют, общество способно к самоорганизации, а значит — к сопротивлению.

Задача Повара на этом этапе — нашинковать общество. Нарезать его на изолированные фракции, которые будут бояться друг друга больше, чем ножа. Разрушить доверие. Сделать так, чтобы каждый отдельный кусок чувствовал себя одиноким и уязвимым перед лицом кипящего бульона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.